

Мюнстерберг Гуго

**Основы психотехники Г.
Мюнстербер**

Первая общая часть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г93

Г93 **Гуго М.**
Основы психотехники Г. Мюнстерберг: Первая общая часть / Мюнстерберг Гуго – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 151 с.

ISBN 978-5-519-98403-4

ISBN 978-5-519-98403-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и тем стремлениям последних дней, которые со стороны так называемой „психологии поведения“ выдвигают необходимость в психологическом исследовании подхода к цельному человеку. Остываясь на почве точного, в значительной степени экспериментального исследования, психотехника стремится преодолеть тот „атомизм“, расчленяющий цельную психофизическую организацию человека на отдельные свойства, который экспериментальным методом естественно, в силу его специфических признаков (необходимость изоляции изучаемого процесса или функции), был в сильной степени развит в психологии.

В силу сохраняющейся до сего времени крайней дороговизны печатного дела, издательство решило выпустить большой труд Мюнстерберга частями. Настоящий выпуск дает общую принципиальную часть. Перевод ее выполнен практикантами находившегося в нашем заведении, в настоящее время, к сожалению, закрытого Отделения прикладной психологии при Психологическом Институте 1-го Московского Государственного Университета, которое имело задачей организовать планомерное исследование проблем психотехники. Редакция этого выпуска в основном выполнена Б. Н. Северным единолично. Следующие три выпуска дадут специальную часть — проблемы психотехники в области социальной, в сфере медицины, хозяйства, права, искусства и т. д.

В распоряжении переводчиков и редакции было первое издание „Grundzüge der Psychotechnik“, вышедшее в 1914 году, и второе издание (посмертное) 1919 года с дополненной библиографией.

Б. Северный.

В. Экземпларский.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Эта книга трактует об использовании психологии для практических целей культуры. Она ставит себе несколько различных задач.

Прежде всего, нужно последовать принципам, лежащим в основе новой науки. До последнего времени прикладная психология вела себя в этом отношении весьма беззаботно. Но если нередко приходилось слышать упрек, что прикладная психология слишком часто работает поверхностными методами, это обстоятельство является, может быть, менее существенным, чем тот факт, что она предпринимает свою работу без основательного исследования своих задач. В конце концов, лучше получить приблизительно точный предварительный ответ на правильно поставленный вопрос, чем отвечать на ложно поставленный вопрос с точностью до последнего десятичного знака. Работа психотехники во всех ее частях должна быть установлена на твердом основании; поэтому не только в общей части, но и при рассмотрении специальных вопросов мы принуждены будем всякий раз возвращаться к исследованию принципов психотехники.

Следующая важная задача касается организации новой науки, как единой системы. Психотехническая работа до сих пор ведется раздробленно и, за исключением педагогики, является совершенно несистематизированной. Попытка обзора всей области психотехники с одной точки зрения должна быть когда-либо предпринята. До сих пор ни на одном языке нет книги, которая ставила бы себе такую задачу. Четырехчасовой курс по прикладной психологии, который я читал, в качестве профессора Берлинского Университета, был первым курсом, посвященным психотехнике в университетской системе. Эти берлинские лекции, впоследствии записанные, составляют основу настоящей книги. Они стремятся придать психотехнике то органическое единство, о котором только что шла речь, выделяя ее из более широкой области прикладной психологии и подчиняя системе культурных задач не только главные, но и все специальные ее подразделения.

На ряду с принципиальным обоснованием и планомерной организацией, третья задача состоит в том, чтобы создать стимулы, побуждающие к дальнейшей работе. Нужно указать новые пути, предложить новые экспериментальные методы, открыть новые возможности.

Поэтому особенно остро должны выступить те недостатки, которые свойственны пока психотехнике, и, вместо сообщений о действительных достижениях, слишком часто придется говорить об ожиданиях и надеждах; но при теперешнем состоянии работы самым важным является новая постановка проблем.

Эта книга должна служить психологу, но она написана не только для психолога-специалиста. Не менее полезной она может быть для судьи, врача, учителя, художника, фабриканта, общественного деятеля, историка и естествоиспытателя. Поэтому я привношу много такого, что само собою разумеется для психолога по профессии. Осторожное и сдержанное отношение к психологии можно было оправдать для первых дней современной психологии, но это становится непростительной слабостью, если и в настоящее время все еще никому нет дела до психологии и ее полезности при повседневной культурной работе. До сих пор только школьные учителя, преимущественно учителя народной школы старались серьезно ориентироваться в успехах психологии; но тот необычайный интерес, с которым в широких промышленных кругах была встречена недавно наиболее молодая ветвь психотехники, индустриальная психология, показывает, что некоторый поворот в этом отношении все-же совершается, и практическая жизнь ищет сближения с психологией. Только от такого взаимодействия между психотехнической теорией и практической деятельностью на фабрике и в госпитале, в школе и на суде можно ожидать развития.

Это разнообразие задач требует соответствующей обстоятельности. Краткий очерк, описывающий только общие контуры психотехники, был бы, следовательно, недостаточен. Стремиться, напротив, к полноте руководства было бы столь же неуместным. Такое руководство оказалось бы непропорциональным: в некоторых частях, как, например, в педагогической и медицинской психотехнике, собрание материала должно бы было разрастись в толстый том, тогда как в других частях, которые сами по себе не менее важны, как, например, в хозяйственной, юридической, социальной или художественной психотехнике, пришлось бы говорить только о скудных и не связанных между собою начинаниях. Поэтому сводный обзор, стремящийся к совершенной полноте, при современном состоянии психотехники был бы уместен только для отдельных ее областей. Таким образом, психотехнике в целом, мне кажется, нужна теперь книга, занимающая середину между очерком и руководством, а это требует формы „Основ“.

Собственно говоря, „Основы психотехники“ должны были представлять собою только подзаголовок, так как в системе моих работ эта книга образует шестую и последнюю часть моих „Основ психологии“. Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как я опубликовал первую общую часть системы, появившуюся с подзаголовком „Принципы психологии“. Другие работы, философские и социологические книги и отдельные психологические сочинения, оторвали меня от первоначального плана изложить всю область психологии с той обстоятельностью,

с которой в первом томе я развил ее принципы. При этом решающее значение имело для меня то обстоятельство, что посвященный принципам психологии том представлял собою совершенно законченное произведение и, таким образом, сам по себе не требовал какого-либо продолжения. Но мне было ясно, что, если бы это последнее вообще появилось, вся работа потребовала бы еще пяти томов.

Вся область психологии в целом расчленяется для меня следующим образом: после изложения во вступительном томе теоретико-познавательных принципов психологии, эмпирическая психология делится на теоретическую и прикладную психологию. Теоретическая психология распадается на каузальную психологию и телеологическую психологию. Эта противоположность может быть выражена иначе путем противопоставления психологии содержания сознания и психологии духа или психологии содержаний и психологии актов, или психологии ощущений (*Empfindungspsychologie*) и интенциональной психологии (*Intentionspsychologie*). Но каузальная психология есть отчасти психология процессов индивидуального сознания, отчасти психология процессов, происходящих на взаимодействиях индивидуумов. Таким образом, теоретическая психология содержала бы во втором томе всего сочинения каузальную индивидуальную психологию, в третьем томе — каузальную социальную психологию, в четвертом томе — телеологическую психологию духа, исследующую смысловые взаимоотношения и связи в душевной жизни. К ней примыкала бы затем прикладная психология, которая, в свою очередь, распадается на две части: пятый том должен был бы содержать психологию культуры (*Kulturpsychologie*), шестой том — психотехнику.

Но каждый том является настолько самостоятельным, что теперь, раз уже наступил длительный перерыв, я не хочу более пытаться изложить намеченное сочинение, как шеститомное целое. Собственно, шестой том выходит, таким образом, независимо от остальных. Теперь, после долготлетней отсрочки, я выпускаю, наконец, и первый том в переработанном издании, который также появится самостоятельно, в качестве оснований общей психологии. Следующим в этой очереди является том, посвященный психологии духа, который первоначально намечался в качестве четвертого.

Но все эти части моей психологии суть только различные формы выражения тех основных взглядов, которые изложены в первом томе; доминирующим является здесь убеждение, что личный опыт требует двух, совершенно различных, друг друга дополняющих способов рассмотрения, и что пренебрежение одним в пользу другого или разделение между ними материала вносит вредные заблуждения в науку и жизнь. Когда-то психологам показались странными мои соображения относительно объективирующей и субъективирующей науки о душе; только Натанс требовал в сущности того же самого. Но за последнее десятилетие взгляды психологов в этом отношении изменились и, таким образом, теперь я могу скорее надеяться на сочувствие. Эти

вопросы о правомерности или неправомерности каузально-психологического рассмотрения имеют решающее значение именно для психотехники. Слишком велика опасность, что применение психологии к практической жизни приведет к таким педагогическим, социальным, хозяйственным и научным воззрениям, при которых утеряется глубочайший смысл наказания, вины, воспитания, заслуги, общественности, морали, искусства и науки. Защитить идеальные ценности есть отрицательная, но, конечно, не маловажная цель дискуссии о двойственности психологии. Что же касается положительной стороны дела, то лишь теперь вступает в свои полные права односторонняя каузальная психология. Как теоретическая наука о личном опыте, каузальная психология не дает удовлетворения, и замечаются уже признаки того, что, несмотря на непрерывные и быстрые успехи точной психологии, за первоначальным энтузиазмом последует некоторое разочарование. Иначе и не может быть, так как объяснительная психология есть ответ на неестественный, искусственно поставленный вопрос; душевная жизнь сама по себе требует не объяснения, а понимания. Но психотехника, которая может работать лишь с помощью каузальной психологии, свидетельствует о необходимости этой искусственной постановки вопроса и тем утверждает ее правомерность. Так, только в психотехнике выявляется подлинное значение объяснительной психологии и, таким образом, в ней завершается система психологических наук.

Гуго Минстерберг.

Гарвардский Университет,
август 1913 г.

Общая часть.

1. ЗАДАЧИ ПСИХОТЕХНИКИ.

1. Прикладные науки.

Психотехника есть наука о практическом применении психологии к задачам культуры.

Когда говорят о практическом применении какой-нибудь науки, это слово может иметь два различных значения. В самом деле, уже в области психологии обнаруживается, что понятие применения употребляется в обоих значениях. В одном случае мы можем применять результаты какой-либо теоретической науки, чтобы с их помощью разрешить теоретические проблемы другой науки. В этом смысле мы применяем математику, когда пользуемся ею для разрешения физических задач; мы применяем химию для объяснения физиологических функций организма; мы применяем выводы филологии, чтобы реконструировать древнюю историю. Во всех этих случаях применение остается всецело в теоретической области. В этом смысле мы можем, а потому, конечно, и должны, применять совершенно аналогичным образом и психологию. Везде, где мы имеем перед собою результаты деятельности человеческого духа в до-исторической или в исторической жизни, в языке и религии, в государственной и общественной жизни, в поэзии и искусстве, в нравственности и мифе, психология призвана, очевидно, пролить свет там, где имеет значение этот результат сделать понятным в процессе его установления.

Однако, не только объективные творения человеческого духа дают нам повод привлечь психологию для объяснения их развития, но и всякий процесс мышления, воли и чувства, пришедший что-либо в развитие культуры и тем самым вступивший в историю, можно подвергнуть психологическому рассмотрению. Психология призвана тогда объяснить события индивидуальной жизни государственных деятелей или героев, поэтов или художников, мыслителей или изобретателей, и этим путем она может быть использована для исторического исследования. Наряду с этим, мы имеем дело с теми грандиозными процессами политического и правового, экономического и технического, морального и религиозного развития, которые разыгрываются в массах. Поскольку эти массы опять-таки состоят из мил-

людей, и язык или обычаи, религия или искусство никогда не вырастают иначе, как из индивидуальной души, то и здесь все должно обуславливаться теми процессами, о которых дает отчет психология индивидуальной душевной жизни. Психология индивидуума должна в таком случае применяться так же, как применяется физиология клетки для объяснения функций всего организма в целом. А так как общество есть нечто большее, чем простая сумма многих отдельных личностей, так как только из взаимоотношения индивидуумов возникают социально-психические процессы, то, наряду с индивидуально-психологическими законами, результаты социальной психологии равным образом должны применяться для объяснения исторического развития.

Насколько такое объяснение исторических движений действительно может разрешить глубочайшие задачи исторической науки, это, конечно, спорный вопрос. Одна сторона утверждает, что работа историка-исследователя на самом деле как раз и состоит в выведении великих явлений культуры из действия психических сил. Противоположная сторона настаивает на том, что при таком методе истинные проблемы истории, как истории государства, так и истории права и религии, искусств и литературы, не могут вступить в свои права. Историк должен не объяснять события, а понимать их смысл и цель. Но до этой противоположности воззрений нам не должно быть здесь дела, так как право на психологическое объяснение социально-исторических проблем не оспаривается ни одной из сторон. Противоположность заключается лишь в том, что одни в таком применении психологии в истории видят единственно возможный идеал исторической работы, другие же усматривают в этом лишь один из способов рассмотрения, хотя и необходимый, но односторонний, наряду с которым должны существовать другие, для исторической мысли более важные методы.

Эта двойственность точки зрения повторяется в философских науках, в логике, в этике, в эстетике. Некоторые философские школы считают бессмысленным, что логическое мышление, этическое чувство и эстетическое восприятие становятся доступными для научного рассмотрения только в том случае, если они исследуются, как процессы в жизни сознания. Задача философии заключается с этой точки зрения в том, чтобы описать, систематизировать и объяснить эти акты оценки как психические явления. Все это опять-таки означает, конечно, только то, что этика, логика и эстетика в принципе суть лишь различные области применения психологии. Мы должны применять знание простейших психологических фактов, чтобы понять сложные переживания истины, красоты и нравственности. В воиствующем философском лагере противной стороны такое утверждение было бы отвергнуто со всею энергией. Идеалисты сказали бы, что подлинный смысл истины, красоты и нравственности никогда нельзя определить путем исследования того, что происходит в нашей душе,

когда мы пытаемся схватить эти идеалы нашей мыслью и чувством. Но на этом основании идеалист ни в коем случае не будет оспаривать, что психология этических, логических и эстетических процессов также имеет свое научное значение, и так как здесь мы не должны оценивать философские разногласия, то для нас важен лишь тот факт, что в этом случае обе стороны вполне признают важность психологического анализа.

Такое применение психологии для объяснения сложных фактов душевной жизни очень распространено прежде всего в повседневной жизни, как бы ненаучно, а часто и бесполезно была применяемая при этом наивная психология. Мы желаем, напр., понять происхождение какого-либо художественного произведения и пытаемся с этой целью разобраться в психологических мотивах художника. Или перед нами политический акт, и мы пытаемся понять его, прослеживая психологические причины, действовавшие в сознании государственных людей. Или же мы желаем пролить свет на какое-либо преступление, и снова мы последуем тем психологическим явлениям, из которых оно возникло. Мы даже не ограничиваем применение этого метода материалом действительных происшествий: мы привыкли равным образом психологически анализировать мотивы героев романа и сцены. Нам всегда становится более понятным то, что создает человек, если мы познаем психический механизм, с необходимостью пропаводящий данный результат. Всегда в таких случаях, мы, очевидно, применяем психологию, и именно подобного рода прикладное учение о душе проложило себе путь и популярную литературу и повседневную речь. В газетах и политических речах, в театральных отчетах и художественной критике пользуются прикладной психологией, и это считается весьма ценным.

Оспаривает ли политик психологические мотивы своих противников, или филолог использует психологию для объяснения развития языка, или историк сводит экономическое движение народов к их психологии, или философ использует психологию для анализа логических и этических оценок, — во всех этих случаях прикладная психология обозначает собою применение психологии для объяснения некоторых данных фактов. Таким образом, задача прикладной психологии является здесь объяснительной задачей, так же как и в обычной теоретической психологии. Нам дан мир культурных фактов, и в целях познания его мы используем факты науки о сознании. Методы применения психологии могут быть весьма различны, смотря по области, для которой требуется объяснение, но принцип всегда один и тот же: применение психологии служит сложным задачам объяснения.

Применение теоретических результатов с целью объяснения некоторых более или менее сложных фактов представляет, конечно, не единственно возможный способ приложения науки. Мы указывали на то, что физиолог применяет химию для объяснения процессов, происходящих в организме, что физик применяет математику для того, чтобы понять физические явления. Но совершенно иначе обстоит дело в том:

случае, когда химия применяется техником для химической индустрии, например, при фабрикации лекарств или красящих веществ, или когда математика применяется инженером для постройки моста или туннеля. Физика и химия в этих случаях применяются не для объяснения чего-либо уже существующего, но для того, чтобы произвести известное действие ради достижения известной цели, осуществление которой является лишь желательным. Понятие применения имеет здесь, очевидно, совсем новый смысл. В первом случае речь идет о применении для теоретических целей, в этом же случае о применении для целей практических. Именно эта двойственность смысла заключается и в понятии „прикладной“ психологии. Если бы мы стали решать вопрос о том, какой из них правилен, это было бы, конечно лишь спором о словах. В научном отношении важно только ясно отграничивать эти два понятия друг от друга, тщательно избегая всякого их смешения. Там, где речь идет только о выборе слова, мы не можем на логических основаниях прийти к суждению о том, что один смысл этого слова правилен, а другой ложен. Мы имеем перед собою две задачи, из которых каждая является сама по себе правомерной; какую из них лучше обозначить данным многозначным словом, это в лучшем случае можно решить лишь обратившись к традиции и к инстинкту языка.

Но мы можем избежать этого спора о словах, если признаем, что в психологии, как и во всякой области знания, есть два различных способа применения, и мы исключим всякое их смешение, избрав для них два различных обозначения. Общее выражение „прикладная психология“ означает, с одной стороны, что, обращаясь назад, к прошлому, мы объясняем процессы культуры: мы будем говорить в этом случае о психологии культуры. Это выражение означает, с другой стороны, что мы, обращаясь вперед, к будущему, хотим преобразовать с помощью психологии практическую жизнь для осуществления культурных задач. По науки, применяемые при выполнении практических задач, называются вообще техническими. Поэтому мы назовем эту часть прикладной психологии психотехникой. Психотехника, таким образом, совсем не тождественна с прикладной психологией, но составляет только одну ее половину. О ней мы можем говорить только тогда, когда речь идет о достижении какой-либо относящейся к будущему цели. Таким образом, мы имеем дело с психотехникой только в том случае, если мы пользуемся учением о явлениях сознания для того, чтобы решить, что мы должны делать. Учитель заботится о развитии ребенка, имея в виду те или иные задачи культуры. Адвокат хочет повлиять на настроение присяжных, чтобы добиться определенного судебного решения. Проповедник воздействует на сознание грешника, желая обратить его на путь истинный. Врач, пользуясь влиянием психических факторов на нервную систему, хочет восстановить здоровье пациента. Торговец хочет подействовать на фантазию своих покупателей, с целью склонить их к покупке. Фабри-